

В. М. Акаткин

**“СВОЁ”, “ЧУЖОЕ” И “НАШЕ”
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. Т. ТВАРДОВСКОГО**

На исходе серебряного века художественный кругозор писателя заметно сужается, его видение становится более избирательным, проблемно-тематическим, идейно сфокусированным. Время все настойчивее диктует свои предпочтения, свои образные и смысловые решения, в которых хотело бы себя увековечить. Перед писателем открывался новый, незнакомый мир, “улица корчилась безъязыкая”, и его творческие силы были направлены на познание этого мира, на выработку новой символики и самого поэтического языка.

Для Твардовского, становление которого выпадает на 20-е годы, своеобразными концептами-символами оказываются такие оппозиции, как “старое и новое”, “прошлое и настоящее”, “своё и наше”, “дом и мир”, “отец и сын”, “старики и молодые” и т.п. Человек же предстает не в своих бытийных, исторических измерениях, а в злободневных, социально-классовых характеристиках. Логiku творческого развития Твардовского можно представить как примирение, синтез названных оппозиций, как путь к воплощению русского национального характера и национального духовного бытия, т.е. народа.

Слово “дом” — одно из самых употребительных и смысловых на всех этапах творческого пути поэта. Это позволяет назвать его заглавным концептом или символом, объединяющим все другие, излучающим некий свет на все замыслы, на все контакты Твардовского с бегущим днем и часом. Представая в различных наименованиях (изба, хата, двор, усадьба, хозяйство, угол, крыша, окоп, вагон и т.п.), этот образ-символ всегда сопутствует человеку, является его метонимическим эквивалентом, средоточием его дум, интересов и настроений, мечтаний и разочарований, оплотом его бытия в водоворотах времени.

Критик В. Правдухин, анализируя литературный поток 20-х годов ушедшего века, заметил в нем приближение “к основам человеческой жизнедеятельности: от звезд — к постройке дома”¹.

А это означало возвращение к "основным, корневым выражениям человеческих переживаний"², к традициям вообще и русской классики в частности. Разумеется, о литературном процессе в целом подобного не скажешь. Немало было и тех, для кого разрушение, отречение от исконного и корневого оставалось главной задачей момента. Геростратовские искусы, глубоко сидящие в крови известной части народа, долго еще мутили взор революционной молодежи. С особой яростью отmetalось и разрушалось наше прошлое. Для И. Доронина оно — "старый хлам", "церковная падаль", "дрянь", а деревня — "падшая девушка", которая должна умереть, "прежде чем прокричит красный петух революций".

О, деревня,
Над трупом твоим
Не пролью я слез,
И сердце мое
Не сожмется от боли³.

Ф. Зубарев ликует оттого, что "по деревне всю старь подают в отставку"⁴. Е. Ведняга призывает: "Старой жизни плюнь в лицо"⁵. Т. Серганов убежден, что только "из груд обломков старых" можно заложить фундамент нового⁶. Только "на развалинах бывшего" может расцвести новая жизнь, уверен И. Приблудный⁷. Даже благодушный М. Артамонов считает: "мы со старым все порвали", а для прекрасного нет преград, так как "с запретного снят запрет"⁸.

Эйфория расправы над вчерашним днем, воспламененная футуристами и пролеткультами, стала пропуском в новую жизнь. Юный Твардовский, естественно, оказывается под перекрестным огнем отречений от старого и воспеаний нового. Невольно отдавая дань и тому, и другому, он идет дорогой познания открывающейся ему действительности. Его селькоровские стихи и заметки во многом перекликаются с данными социологических обследований села, каких в 20-е годы предпринималось как никогда много⁹. Заманчивые дали новой жизни, перспективы творческого роста, юношеские мечтания — все это отрывало от дома, от всего традиционно-крестьянского. Однако личные его порывы (не всегда последовательные) корректировались поэтическим восприятием, порой переходящим в апологию дома как первоначала и незыблемой святыни крестьянского бытия.

Твардовский восстает не против дома как такового, а против устаревших его бытовых и моральных основ, против пережиточных устоев и ценностей стародеревенского уклада. И новый дом

для него — вовсе не общепролетарский муравейник (как прези-лось тогда многим), а свой, личный микромир, освященный новым сознанием, наполненный новым ценностным содержи-ем. Конечно, в его ранней лирике отозвались и крайние тенден-ции 20-х годов (отречения и мечтания), и живая реальность об-новляющейся деревни, и вековая народная мудрость, сохра-няющая себя между враждебными полюсами.

Старый дом для него — не просто обветшалое строение, но прежде всего убежище от новой жизни, приют мещанства, ог-раниченности, застоя и собственничества, укрытие для кулаков и богатеев, а новый — оплот всего, что оживляет инертное су-ществование, что привносит в мир свет, музыку, радость, что породняет людей.

Конфликт между этими домами разыгрывают на сцене дня отцы и дети, старые и молодые, социально противостоящие и непримиримые силы. Цепляться за старый дом, обычаи и обря-ды, не видя в новом ничего подлинного и красивого, — значит быть враждебным к новому мироустройству. Напротив, несогласие со всем, что внушают старики-родители, что заведено от века, — это в духе времени и жизненно перспективно. Правда, пленниками старого дома порой оказываются и молодые, для которых дорога к новому показалась слишком рискованной и малообещающей. И наоборот, старики, завершающие свой зем-ной путь, на удивление открыты для всего непривычного, но-вого. Лирическое сознание Твардовского и штурмует, и защи-щает дом одновременно. Первое внушено временем, императи-вами революции, юношеским радикализмом, второе — глубин-ным чувством жизни, властью традиций. Потребовались годы, чтобы понять: атаки на прошлое ("старое", "темное", "затхлое") были покушением на русскую культуру и русского человека, на его духовность и свободу выбора, чтобы превратить его в мари-онетку и раба, существо без всяких внутренних опор и обяза-тельств перед сообществом. За пышной революционной фразео-логией трудно было разглядеть, куда вели молодежь, мобилизо-ванную вершить суд и расправу над историей народа. Чтобы признали "своим" в новом, большом мире социализма, надо было отказаться от себя и дома, от былых воззрений и привя-занностей. Народное, хоровое, соборное подменялось массо-вым, коллективным, политическим. Далеко не сразу заметили эту подмену, не сразу поняли, что на отказах и отречениях пол-ноценного нового построить невозможно.

Необходимо узнать, из каких "кирпичей" складывался "дом"

Твардовского, как выстраивалось мироздание поэта, который уже в начале пути замыслил стать народным.

Первое упоминание о доме находим в небольшой заметке "Наши избачи работают"¹⁰. Изба тут одновременно и личная, и общественная, своего рода клуб и библиотека, деревенский дом политпросвета, штаб наступающей новой жизни. Тут звучат проблемы, почти в приказном порядке спущенные сверху для селькоров: как идут перевыборы в советы и как они работают, как деревня готовится к севу, как идет агитация среди женщин и т.д.¹¹ Откликаясь на эти указы, Твардовский пишет не о проблемах вообще, а всматривается в отдельных людей, в их конкретные дела: агроном Малыгин руководит несколькими сельхозкружками, бедняк деревни Столпово П. Игнатенков, избранный председателем комитета взаимопомощи, организовал сельхозкружок и коллективную подписку на газеты и журналы¹². Человек замечен, назван, а за ним видятся и его заботы, и его жизнь.

Под рубрикой "Деревенское – бытовое. Крестьянин, сделай газету и книгу оружием против старого быта" появляется на свет первое стихотворение Твардовского, знаменательно названное: "Новая изба"¹³. Это как бы опорный плацдарм поэта, с которого он будет обстреливать старую жизнь и присматриваться к жизни новой, незнакомой. Изба только что построена, все в ней, как говорится, с иголочки: и блестящие желтоватые стены, и запах свежей сосновой смолы. Но что же тут особенного? Ведь подобные избы строились и прежде, при старом режиме. В ней по-другому собираются жить: на новый, советский, лад, с новыми богами-вождями, жить хорошо и весело.

А в углу мы "богов" не повесим,
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть.

Стихотворение это, при всей его локальности, программно, в нем резко очерчено не только внешнее, но и духовное пространство избы, заявлено об основах новой жизни: о семье и доме, о жизненном ладе, о новых богах и мироотношении. Однако изба эта еще на разломе времен, она еще пуста, не обжита, но стены ее отдают гулом противоборствующих голосов: ликование и гнев, радостное предвкушение новой жизни и ненависть к прошлому ("боги", пренебрежительно взятые в кавычки и оскорбительно названные "дедовской плесенью", сниженное "лампадка тлеть", фатально звучащие "будет" – "не будет"). Однако чем же лучше, если из угла будет глядеть земное

божество — Ленин? Новое здесь равнозначно хорошему (как и сама изба — символ новой жизни), а старое — однозначно плохое (старая изба, в которой худо-бедно прожили всю жизнь, даже не упоминается). Новое звучит еще победительней, потому что за ним семья, коллективное "мы", уверенные в своих силах и торжестве: "хорошо заживем", "не повесим", "не будет тлеть", "будет глядеть". Но торжество тут какое-то излишнее — ведь новому ничто не мешает. Хотя новое как реальность, как непреложный факт только в первых двух строчках, в остальных же — волевой порыв, мечты, намерения. Эмоции, жажда нового явно преобладают над самим этим новым, авторское "я" растворилось в "мы". Антирелигиозный пафос — дань "воинствующему материализму" и богоборчеству властей, ревниво мечтающих занять святой угол в каждой крестьянской избе. Как ни наивно, как ни прямолинейно это юношеское стихотворение, но вся его образная ткань говорит о неоднозначном восприятии времени. "Новая изба" — своеобразный запев в творческих исканиях Твардовского, простецкая крестьянская хата со своими углами и стенками, с памятью о былых и мечтой о новых богатах становится аналогом народного бытия на крутых дорогах века.

За новой избой встанут другие приметы родного края, так радующие юного селькора, например, комсомольский субботник (труд сообща, артельно) кубаркинской ячейки в пользу гидроэскадрильи: все дружно косили луг, с песнями возвращались домой. Твардовский подмечает такие детали, которых мы не найдем в пафосных строчках смоленских селькоров: "Трудновато было косить — трава устарела"¹⁴. Подобные детали доносят живые ощущения человека, истинные, а не придуманные или заданные состояния. В заметке "Наш праздник" рассказано, как отмечали седьмую годовщину комсомола в Рославльском железнодорожном клубе: доклад, приветствия, декламация, песни, спортивные номера. "Праздник прошел хорошо"¹⁵, — заключает Твардовский. Он часто и с воодушевлением пишет о сельских новостройках: избы, клубы, школы, библиотеки, читальни, сараи, о том, как вообще преображается деревня, как она тянется к свету, газете, книге, как она хочет жить культурно и цивилизованно. Круг его наблюдений редко выходит за пределы Переснянской волости или деревенских "малых дел":

Я писал про делишки нашенские,

Я писал про Совет плохой¹⁶.

Эпитрафы (или врезки) к его стихам и заметкам прямо указывают, где совершаются эти "делишки нашенские". Юный

поэт сознательно заземляет себя, хочет быть конкретным, точным, деловитым, что отчасти позволило ему избежать песенного мифотворчества, так бурно расцветшего в 20–30-е годы. О своем принципиальном отличии от “воспевателей” Твардовский заявит в стихотворении “Урожай” (оно помещено в “Литературном уголке” газеты “Смоленская деревня” вместе с его первым портретом). Начальные строки этого стихотворения никогда потом не воспроизводились, очевидно, они были “не в духе” времени.

Много песен стало в нашем крае.
Все поют о пламенном, большом.
Кто о чем, а я — об урожае.
О своем,
Мужицком,
О родном¹⁷.

Что является главной заботой и тревогой крестьянина? Урожай, земля, дом, хозяйство. Об этом и писал юный Твардовский, обретая свою “существенную”, “объективную” тему. Противопоставить себя “воспевателям” было и трудно, а позднее и опасно. “Песня” — едва ли не заглавное слово и ведущий жанр в деревенской поэзии тех лет. “Песни советских полей”, “утренняя песня”, “веселая песня”, “песенный сад”, “иных ты просишь песен”, “сердце радостью гудит”, “радость разливная”, “сердце счастьем бредит”, “на сердце сад зеленый”, “в душе весна свила гнездо”, “осень кажется весною”, “бушуют радости колосья” — вот далеко не полный “песенный” арсенал И. Доронина, знакового поэта 20-х. От его плакатного веселья можно было ослепнуть.

Эта жизнь на сказку не похожа,
Сказки всякой лучше эта жизнь¹⁸.

Жизнь для “песнетворцев” кончилась, превратилась в сказку, в ослепительный миф: “в коммуне остановка”.

Заинтересованно отмечая все перемены к лучшему, Твардовский с болью пишет о людском небрежении и равнодушии, а порой и откровенном разрушительстве, о том, как не умеют беречь доставшееся нам от прошлого. Вот большое, добротное, покинутое “бывшими” здание, теперь пустое и заброшенное: “Окна побиты, а потом стали добираться до обшивки и до железной крыши”. Граждане проходят мимо и вздыхают: “Вот где быть бы школе”¹⁹. Похожая ситуация в рассказе “Дом за рекой”. Особняк барона Гельфица перешел в собственность колхоза, но над ним издеваются, как над бывшим хозяином: “ребята бере-

гут и быют в особо торжественных случаях" оставшиеся стекла, подолгу плюют с балкона, "стараясь, чтобы плевики попадали в определенные места. Больше нечего делать на балконе баронского дома"²⁰, — горько иронизирует автор. А взрослые по ночам вырубают деревья прекрасного парка, о чем потом пожалеют или будут обвинять кого-то в этом варварстве. Разруха, запустение, омертвление — все это следствие неразборчивой ненависти к прошлому, подогреваемой и властями, и властителями дум. Твардовский, даже в своем запальчивом возрасте, все воспринимает сложнее, объемнее, во всем он видит "убыли-прибыли", какие бы отрадные перемены ни совершались.

Сюжет "Тихого дома"²¹, как и других подобных стихотворений, типичен для 20-х годов: в тихий и старый поповский дом пришла новая жизнь, гармошка, шум, смех, веселье. Все вроде бы так и надо, все переменялось к лучшему. Но как бездушна, как несправедна эта перемена: исчезли неизвестно где его прежние жители, бесследно пропал хозяин — "тихий попик, сивый и больной", умерла бывшая жизнь, брошен, запущен сад. Чего тут больше: сожаления и грусти, что выпнали прежних хозяев, или радости, что пришла иная жизнь — веселая, шумная и молодая? На гибели старого возникает торжествующее новое, но почему-то кощунственными кажутся радость и гульба в доме стинувшего больного попика. "Тихий дом", "тихий попик", "тихая и маленькая зала", серые ставни, запущенный сад — ничто здесь не говорит о какой-то враждебности к новому, никому и ничем не мешали жители этого маленького гнездышка. Но время беспощадно, и Твардовский вынужден осознать неразрывность обретений и потерь.

В стихотворении "О затихшей церкви", как бы продолжающем "Тихий дом", перестал звучать церковный колокол (видно, сбросили воинствующие атеисты), попа нашли мертвым на дороге — занесло "метелицей злою", затихла и опустела церковь — божий дом, в разбитые окна залетает голубь с подругой, на всем печать разрухи и запустения, будто прошли века.

Все бурьяном пустым поросло
За беспечностью легкой людскою...
Перестало сливаться село
С колокольною долгой тоскою²².

Нет тут от перемен никакой радости, никакого ликования, нет и богоборческих выпадов (хотя много позднее Твардовский назвал себя, юного, "суровым атеистом"). Строки, обрамляющие стихотворение, скорее выражают подспудное сожаление о про-

изошедшем, чем желанный сдвиг. Да, раньше село сливалось с колокольным звоном, пусть и тоскливым, была эта музыка, своеобразная гармония, а теперь бездушие, безразличие, распад. И хотя людская беспечность названа "легкой", последствия от нее совсем иные. И тишина здесь не благо, как в годы войны, а убывание, угасание былой жизни.

Уже скоро юный селькор начнет замечать опасные симптомы в утвердившейся шумной новизне, в самом народовластии: бездействие, безразличие к простому человеку, должностные злоупотребления, поборы, пьянство и разврат, худшие проявления дикого барства и даже бандитизма у "право имеющих", о чем свидетельствует серия его репортажей из зала суда по делу "кардымовцев"²³. "Что ни шаг, то упущения и недостатки"²⁴, — с юношеским максимализмом пишет Твардовский. Секретарь Язвинского сельсовета крестьянам не помогает, Переснянская школа-передвижка запущена: холод, поломанные столы и скамейки, всюду сор и грязь²⁵. Создаются всяческие комиссии, идут бурные заседания, произносятся речи, а реального дела нет²⁶. Всюду разбитые дороги, непроезжие гати, "предательские мосты": "Сколько раз на этом мосту "тягали" лошадей и кладь, сколько ругают этот мост крестьяне, а положение — одно и то же. Местная власть никак не соберется его исправить. А пора бы!"²⁷. Подобные выпады вряд ли были властям по нраву, само поприще селькора становилось небезопасным, о чем Твардовский поведал в нескольких стихотворениях²⁸. Причем угроза "выстрела рокового" исходила не от кулаков, о которых он тогда не упоминал, а от властей, представляющих новую жизнь. Это побуждало его глубже вдумываться в происходящее, обнаруживать чужое в своем и в чужом свое. Даже в самых передовых шеренгах молодежи, для которой все вокруг было "наше", он замечает то, с чем нельзя мириться: бескультурие (это он казнит и в себе самом), крайне низкий уровень политграмоты, неумение вести дело, руководить, приспособленчество и ложь во спасение, глумление над попавшим в беду, непрочность товарищества и т.п. Об опасной социальной мимикрии, укрывании и предательстве отцов ради карьеры и возможности учиться он пишет в заметках "Где нельзя пройти, там ползут"²⁹. В статье "Беде не помогаем" под рубрикой "Забыли живого человека" Твардовский рассказывает, какие драмы разыгрывались в личной жизни комсомольцев и как бездушно подло реагировала на них ячейка. Рассказ этот во многом автобиографичен, по крайней мере, два ухода из семьи были у него уже позади (первый — в 1924 г.,

второй — в 1928 г., уже окончательный). Пространная цитата тут просто необходима, поскольку строки эти нигде не цитировались: "У нас в ячейке меньше всего думали и говорили о дружбе и товариществе в личной жизни комсомольцев.

Не так давно, приведу пример, в Кубаркинской ячейке Переснянской волости Смоленского уезда паренек-комсомолец убежал из дому по причине гонения за "комсомольство" в семье. Паренек решил порвать со своим "домом", правда, не обдумав достаточно, куда же деваться? А ячейка, где он объяснялся, не приняла никакого участия в его судьбе и ограничилась безобразными насмешками над "блудосынством". Когда изголодавшийся и измученный нравственно "беглец" вынужден был вернуться домой, ячейка его исключила за "нарушение комсомольской этики" (так значилось в протоколе)³⁰. Как видим, "наше" не выдерживало экзамен на человечность и нравственную безупречность, и Твардовский впервые апеллирует к прошлому, к взаимоотношениям революционеров-подпольщиков, всегда выручавших товарища из беды (правда, тогда он еще не знал всех жестоких изворотов революционной этики).

Критика местных властей не мешала Твардовскому трезво смотреть и на саму крестьянскую массу, прямо говорить о том, что мы называем "идиотизмом деревенской жизни": пьянство, самогонокурение, семейный деспотизм, слепая злоба, невежество и вообще какая-то опущенность существования, виной чему мы всегда считали крепостное право. В рассказе "У котла" пьяное самодурство отца оборачивается двумя смертями и сгоревшим домом³¹. Та же картина социального и нравственного распада, не раз запечатленная русскими писателями, в стихотворении "Самогощику"³². У хозяина каждый вечер загул, он "хмурый, неумытый — мертвецу чета", на все махнул рукой, а ведь был первый мужик на селе. Что-то случилось, что-то сломалось и оборвалось в нем, а самогон довершил падение. Кто виноват? Самогоноварение приобрело в середине 20-х повсеместное и угрожающее распространение, о чем пишут многие исследователи села. На это мутное зелье губят чуть ли не треть урожая, страшно пьют, нередко умирают. По губернии, пишет Твардовский, за несколько месяцев отобрано более 4000 самогонных аппаратов³³. Суровые будни деревенской жизни рисуются в стихотворении "Потрава"³⁴: драки, брань, матерщина, угрозы красным петухом, яростное озлобление друг на друга из-за того, что соседская корова зашла на чужую полосу или пристроилась к стожку сена. Что это: наследие прошлого или невытравимое вечное?

Тем не менее по всем стихам и заметкам Твардовского пробиваются, как цветы из-под снега, многочисленные приметы обновления. Деревенская жизнь на всех ее уровнях (культура, быт, семья, общественные отношения, обряды) становится другой. Звучат новые песни и словечки, мужики интересуются новостями страны и мира, читают газеты и ходят в кино, тянутся к знаниям, слушают радио и мечтают о тракторе. Оглядывая свои селькоровские маршруты, Твардовский набрасывает общую отрадную картину:

И хлопочет всюду молодая
Ранним цветом пахнущая жизнь³⁵.

Главной приметой и опорой новой деревни казался ему культурный хозяин, крестьянин-труженик, которому советская власть дала землю и позволила свободно трудиться на своих полосках, украшать дом и двор, мечтать о зажиточной и красивой жизни.

Новое не падало с неба, человек созидал его своими руками, трудился до седьмого пота на пашне и ниве. Уже с 1926 года все чаще поэт рисует картины труда — и всегда с лирическим подъемом, с любовью и расположением ко всякой работе, особенно артельной, сообща: сенокос, жатва, обмолот, кладка печи, постройка дома и т.п. И творчество для него — прежде всего работа, сердечная привязанность к делу, которым занят народ. После Кольцова и Некрасова Твардовский, как никто другой, поднял авторитет труда, возвел работу в ранг высших ценностей. Он воспел человека, для которого работа была не только жизненной необходимостью, но и праздником души и тела, самоутверждением и самовыражением. Время к тому обязывало: он вступал на дорогу творчества, когда азарт борьбы и разрушения уступал первенство созиданию, сбережению созданного. Очень рано он понял, что "разрушение — кратче созиданья", что труд всему основа, всему голова. Герои его стихов и прозы обязательно наделены какой-либо профессией, особым умением в каком-либо деле: косари, пахари, плотники, печники, сапожники, строители, летчики, шоферы. Он был убежден, что все на земле создано волей и руками человека, что делом можно справиться с любой бедой. У него даже карта колхоза "пахнет пашней и весной", а в созревающем колосе уже "запах есть овинный". И в новую жизнь по-настоящему можно войти только упорной работой, и новый человек может родиться только в труде.

Работа — не только пот и тягость, но и радость, красота,

песня, действенный лад общей и семейной жизни. Труд — не только изнуряющий бесконечный процесс, но и желанный результат, отрадный итог задуманного.

Под овсяный говор нивы
Жарким потом обольюсь.
Я вдвойне тогда счастливый,
Если вволю потружусь.

На гумне под темной крышей
Отдохнут в скирдах снопы.
Утро раннее услышит,
Как зазвякают цепи.

На душе простор, веселье,
Непочатый счастья край...
Валит хлеб златой метелью.
Здравствуй,
Новый урожай³⁶.

В бегущих картинах сезонной работы — всегда у него движение времени, смена времен года, этапы человеческой жизни. Работа не отпускает человека, определяет его душевные состояния, на ней выстраивается весь его годовой календарь, весь кругооборот человеческого существования. В ранге высшей ценности — труд на общем поле, такая работа, когда нет посторонних, наблюдателей и погонял. Обновленный труд — это не просто электрический плуг, трактор и молотилка, это прежде всего работа для всех, друг для друга. Тяжкий, изнурительный труд становится совсем иным, когда люди плечом к плечу работают ради общей цели.

В коллективе говорливом
Не устанешь, как вразброску,
Мы сравниваем коллективом
Наши узкие полоски!³⁷

Поэт готов воспеть любую работу, если от нее наша жизнь становится светлее, радостнее, человечнее, если она породняет людей — в семье, в коллективе, в стране. И, напротив, труд, разделяющий людей, делающий одного богатым, а другого бедным, всегда у него безрадостен, без красоты и песни — в нем только честолюбие, расчет, жадность. Названия многих стихотворений Твардовского тех лет заключают в себе либо указание на вид работы, либо обозначения профессий, либо тот или иной трудовой процесс: "Сенокосное", "На пашне", "Посев", "уро-

жай", "Песня урожая", "Селькор", "Селькоровское", "Селькор-ка", "Ночной сторож", "Уборщица", "Учительша", "Матрос", "Телеграфист", "Старший писарь", "Строитель" и т.п. Названия стихов с указаниями на время года также отсылают нас к сезонным работам (позднее у него окажется впряженным в работу само время, не говоря о природе).

Однако Твардовский с досадой и горечью подмечает и то, что новая жизнь отучает людей от работы, позволяет относиться к ней прохладно и формально. Человек теряет уважение к профессии, не ценит, как раньше, свою трудовую марку и даже не стыдится, что ничего не умеет делать ("Палочка", "Игнат Соловьев и его бригада", "Мужичок горбатый", ранние поэмы и очерки). Вновь испеченные колхозники стремятся укрепить общее хозяйство не собственным трудом, а экспроприацией инвентаря и хлеба у зажиточных крестьян. Вот почему последние так настороженно присматриваются ко всему новому и крепко держатся за свое.

Проблема "своего" и "общего" резко зазвучала у Твардовского с 1927 года. На то были причины как личностного, так и социально-политического порядка. Во-первых, он уже выбрал свой путь, свою нелегкую и опасную дорогу писательства, четко осознал круг своих интересов, ревниво оберегал свой внутренний мир от посторонних влияний и остерегался, что нечто чуждое "вскружит мне голову, замутит ту спокойную, своеобразную поэзию чувств: хаты, амбары, поля, гумна... Деревенское затишье..."³⁸. Он намерен читать только родственное по духу: Касаткина, Подъячего, Горького, Неверова и других крестьянских писателей, у которых он найдет "неисчерпаемый источник любви к серым крышам"³⁹. Однако все эти самообережения оказались бессильны под напором времени. Во-вторых, он неудержимо рвется из хуторского "болотного полукруга" на простор жизни, хочет переселиться в Смоленск или путешествовать, в конце концов определиться на вольную работу без короткого семейного поводка. Он страдает от "проклятого одиночества", от обреченности на немилую ему мужицкую работу: "С наступлением весны тебя заберут в кузницу. Будешь ты долгими весенними днями размахивать кувалдой, наламывая до боли руки, терзаясь, слушая и глядя на отца"⁴⁰. Он не хочет повторить отцовскую судьбу, потому что почувствовал в себе другое призвание. И отец становится главной помехой его мечтаний и замыслов. Противостояние интересов, целей и характеров троекратно усилило переломное время, когда постоянно натравливали детей на

отцов, молодых на стариков, ниспровергали традиционные устои и ценности.

Все это сплелось в такой клубок противоречий, распутать который можно было только разрывом с семьей и домом: "На что только я не согласен, чтобы только выйти из проклятого семейства, в котором природа заставила меня подняться. Набрать запас душевных сил в дальнюю дорогу — жизнь"⁴¹. Юношеский максимализм и ранимость, честолюбивые мечтания, муки творческого становления, унижающая ограниченность в средствах (порой десяти копеек не было на марку, чтобы отправить письмо в редакцию), отдаленность от литературных центров, острое переживание своей малообразованности и некультурности, ступенчатая атмосфера отречения от старого, от отцов и дедов — все это может объяснить предельно запальчивое "проклятое семейство" и прежде всего вражду к отцу: "Мне тяжело его видеть, невыносимо с ним разговаривать"⁴². Выбирая дорогу писателя, он обречен был на конфликт с отцом — послушником власти земли. Вступив в комсомол, предпочтя общие интересы домашним, он осознанно шел к разрыву с семьей. Чтобы легче было уйти из дома, расстаться с ним ради предназначенной судьбы, надо было заставить себя возненавидеть этот дом. Остаться на хуторе, пойти по стопам отца — значит погубить пробудившийся талант, изменить себе и своей мечте. Выбор был жестоким, да и не мог быть другим: порвать с отцом и домом, со всем, что держало его за крылья, ради свободного самоопределения.

Однако все оказалось намного сложнее. Родное Загорье никак не отпускало его душу, и уже в 1929 году, находясь в Москве, он вдруг осознает, что смотрит на столицу "глазами, видевшими "Белую горку", "елки", что ему никак не освободиться от хуторских впечатлений. И вот новая вспышка отречения: "Я должен поехать на родину, в Загорье, чтобы рассчитаться с ним навсегда. Я борюсь с природой, делая это сознательно, как необходимое дело в плане моего самоусовершенствования. Я должен увидеть Загорье, чтобы охладеть к нему, а не то мне еще долго будут мерещиться и заполнять меня всякие впечатления детства: березки, желтый песочек, мама и т.д."⁴³.

Трудно поверить, что это написано поэтом, для которого малая родина стала осью мироздания, поэтом, претворившим Загорье в некий поэтический символ, воспевающим семью и дом как никто до него в мире, создавшим непревзойденный гимн-реквием матери. Если же говорить об отце, то и он стал его

"генеральной думой" на всю оставшуюся жизнь, первоосновой его образной системы вплоть до поэмы "По праву памяти" и неотступно преследовавшей его "главной книги" — романа "Пан", его незатухающей болью, неразрешимой проблемой и покалыванием. Достаточно сказать, что задуманный им в начале 30-х годов цикл "Семья" наполовину состоял из стихотворений об отце! Прямо или обобщенно тема отца и дома звучит во многих ранних стихотворениях и поэмах. И тем не менее причину своего ухода и разрыва с семьей он так объяснил в 1934 году: "Художественное мышление страшно ограничено Загорьем"⁴⁴. Живых впечатлений от него в избытке, но нет "общего поэтического языка", чтобы выразить эти впечатления на высоте искусства.

Противостояние с отцом во многом определило его понимание самых острых проблем переходного времени: взаимоотношение поколений, разрыв семейных связей, борьба нового со старым, как жить дальше — сообща или наособицу, трудиться на общем поле или на своей узкой полоске и т.п. Надо признать, что он нигде не восстает против дома как такового, против старины вообще, если она не злобна и не агрессивна. Но ему дорого знать, увидеть новое качество жизни, степень ее приближения к мечте, к ладу и гармонии. И если этот лад одолевает бывшие раздоры, нищету и неустроенность, если все обновляется по естественному закону движения бытия, он воспринимает происходящее примиренно и одобрительно.

Теперь дела торопятся, спешат,
И к нам в деревню шум приходит новый,
Теперь под гомон молодых ребят
И старики на все идти готовы...⁴⁵

Однако это единственный, пожалуй, пример, когда все поколения разом, в полном согласии включаются в темпы и ритмы обновления. "Старинка темная" всюду дает о себе знать, но она отступает под напором нового. В деревню приходит газета — пестрый "ворох мужиковских дум", продуманный доклад развеивает туман сомнений, мужики в читальне с улыбкой в бородах слушают о разных диковинах на белом свете. Мир ширится и светлеет, дороги зовут в заманчивую даль. Благотворные приметы обновления видятся в стихотворении "Родное", тематически продолжающем "Новую избу": умиротворенный родной край, уютная деревенская изба, наполненная полевыми запахами и ароматами. Уже нет в ней ни "богов", ни тлеющих лампадок, все обновилось и по-особому радует душу.

На стенке с радостью заметить
Люблю приклеенный портрет,
И кажется, что тихо светит
В избе какой-то новый свет⁴⁶.

Как ни восторгался Твардовский приметам культурного обновления деревни, чувства его не находили выражения в жанре песни. По природе своей песня требует согласных, общенародных переживаний, однако реальность 20-х годов была крайне разногласной и противоречивой, поэту-реалисту трудно было, не сфальшивив, уложить ее в песню. В своих заметках, рассказах и очерках он наблюдает, анализирует, накапливает факты, а лирическими стихотворениями претворяет их в переживание, переглавляет в поэтическое слово, в первоначальную поэтическую символику. Все, что шло от жизни, он стремится закрепить в повествовании, чаще всего в прозе, а внутреннее свое состояние выразить лирически, чаще всего стихом. Эти два стилистических потока нередко пересекались, стих и проза менялись местами, но в целом сохраняли свои изначальные признаки. Так формировался неповторимый лиро-эпос Твардовского, так находили друг друга "свое" и "общее" в его целостном мироощущении. Биографические обстоятельства, от которых он так жаждал отрешиться, неожиданно для него самого вписались в общую картину времени, придав ей особую убедительность.

В рассказе "По дороге" некто Жук убедил мужиков не тратить деньги на водку, а лучше подписаться на газету, организовал сельхозкружок, устроил в доме тестя красный уголок, чему автор открыто радуется: "Мысли мои были радостные и большие"⁴⁷. Однако не все так просто. С отцом Жук в ссоре, видно, не по душе ему общественные хлопоты сына, невнимание к родному дому (тут явно автобиографические мотивы, которые со временем будут слышаться все отчетливее, хотя и не совсем совпадать с личным). На одном полюсе в ранних стихотворениях беспросветная осиновая глушь, слякотная осень, плачущий дождь, какая-то мертвенная застылость, тревога смерти да ветер-хулиган за окном. Картина достоверна, хотя и сгущены краски, чтобы на таком фоне ярче высветились отрадные знаки перемен: "провода в соломе", антенны, светлые окна избы-читальни и школы, привезенное в село кино. И никакая глушь и осень уже не страшны:

У наших дней
Другие речи,
Другая,
Радостная жизнь!⁴⁸

В трехчастной композиции стихотворения "Все те же гумна и сараи..." отпечатались шаги времени — от темной старины к нынешним светлым и радостным дням. Подобная расстановка сил на полюсах и тот же вектор времени прослеживаются на уровне поколений. В рассказе "Размолвка" отец и сын как бы по разные стороны баррикады. Встретив сына-красноармейца, отец догадывается, что тот "будет ломать старое, привычное, что сын перерос его, старика"⁴⁹. А значит, ему уже не быть "полновластным хозяином в доме". И гордится он сыном, и любит его, и свой он для него, и чужой, "что-то новое в нем, свое, большое, будто на голову выше сделался". Отсюда и зависть, и непонимание, и злость, и обида на сына за то, что не интересуют его ни дом, ни хозяйство, ни женитьба. Сын спешит узнать, что в деревне нового, есть ли комсомольцы, чем окончательно озадачивает старика. И все же "предвкушает отец, как будут заглядываться девки на красавца Андрея, как будет его сын новые слова говорить на сходе, как пойдет молва по соседям — башковитый сын у Ефима!.. И оттого гордость". Пожалуй, впервые Твардовский рисует неоднозначный, психологически многомерный портрет старика отца. Но как похож этот рассказ на дневниковые записи юного селькора о собственном отце!⁵⁰.

Семейная размолвка по логике обстоятельств перерастает в раскол, в непримиримое размежевание по линии "старое — новое". В "Красной свадьбе"⁵¹ невеста совсем не так выходит замуж, "как выходила мать родная": по-комсомольски, без попа и церкви, весело, с песнями, ей кажется, что впереди у нее совсем не будет "утрюкых дней" (знаменательно это "кажется"). Мать же плачет, у нее болит сердце: и не по заведенному порядку, и не за того выходит замуж дочка; отец хмурится — думал погулять, как люди, да бог не дал, значит "по-хорошему не будет". Деревенские старухи шипят, обзывают невесту "шлюхой", потому что "без церкви закрутилась". Но подружки, как и невеста, ничуть не печалются, смеются над стариками, им ничего не страшно. Это веселье больше всего бесит пожилых: ведь невесту надо оплакивать согласно обряду, а молодежь нарушает его (вспомним цикл "Памяти матери", где все вернулось на круги своя и сам обряд получает историческое оправдание). Похожую ситуацию видим в стихотворении "Десять раз отмеряла...", где невеста не просто уходит от стариков, а уходит в коммуны.

Радостная, юная
Покидаю дом.

Ухожу в коммуны я
С юным женихом⁵².

И тут, как водится, старухи "каркают", старики "бранятся", отцы "страшают", а невесте все ни почем, хотя она не семь, как по пословице, а все "десять раз отмеряла полотнище дум". Значит, все-таки не прост был ее выбор, трудно досталось ей расставание с родным домом (тут, очевидно, слышатся отголоски собственного ухода поэта, по времени они совпадают).

Силовые линии многовековых традиций, казалось, рвутся по всем направлениям, но перво-наперво они обрывались в семье. Твардовский зачастую (даже там, где открыто звучит авторское "я") смотрит на происходящее со стороны, глазами молодого человека своего поколения, выходящего из-под опеки отцов и дедов. Дерзкие насмешки, гомон и веселье молодых, брань и плач стариков образуют общую звуковую панораму времени, сложную и драматически конфликтную. Поведение одних определяет жизненный опыт, традиции, боязнь преступить черту запрета, другим кажется, что пришла пора смело распоряжаться своей судьбой, что необходимо отбросить прошлое, дабы ничто не мешало обустривать новое.

"Избывные стихи" — как бы главная сцена, на которой разыгрывается ведущий конфликт раннего Твардовского. Первая часть стихотворения представляет этот конфликт в локальном измерении: в старом доме хитрый дед прызнется со снохой и сыном, "как дворняга злая на цепи", молодые не ужились с ним, отделились и теперь живут в новой избе, что "гордо села посреди села".

Засмеялись красные окошки
На широкий улицы простор,
И заводит вечером гармошка
Старикам ненужный разговор⁵³.

Но как ни бранится дед, как ни клеймит "беспутных" молодых, все равно жаль его, брошенного в темной "лисей конуре".

Все у деда радости поблекли,
Как у церкви выцветший бурьян.

Новое, как почти всегда у Твардовского, равнодушно отторгает старое, возводится на его слезах и муках, оно торжествует и гордится собой, не помня, кто его вынянчил и вырастил (в 30-е годы он уже будет упрекать живущих за эту неблагодарность).

А изба веселая, другая,
Щумно встретит не одну весну,

Потому что шумом разгоняет
Вековую
Злую тишину.

Во второй части "Избяных стихов" Твардовский набрасывает общую картину движения времени, закономерно сменяющегося старое (застой, темнота, злая тишина) новым (шум, свет, веселье, весна).

Но пришли, должно быть, из-за моря
Неспокойные, лихие дни,
Новый шум со стариной заспорил –
Захотел былое изменить.

В маленькой тихой хатке, "впотьмах" живет со стариками дочь – первая красавица на селе, но они никуда не хотят ее отпускать.

Только ночью огонька не спрятать
И густым туманом не укрыть –
И сманили девоньку ребята,
Что бунтуют сонные дворы.

Ушла красавица из темницы, и "нерадостной и длинной" стала жизнь стариков, бессильны их обережения и запреты.

А третья часть цикла представляет собой монолог-обращение бунтарей-ребят ко всем, кто держится слепо за старое.

Не желей ты хату –
Старую, слепую...
О гнилом и старом
Нынче не тоскуют.

Не мути ты сердце
Грустью непутевой
И шагай с улыбкой
По дороге новой.

Стоит ли о прежней
Непрогляди хныкать?...
.....

Мы построим хату –
Новую, большую...
О гнилом и старом
Нынче не тоскуют!

Это крик и призыв молодых отречься и не жалеть о гнилом прошлом – других слов у них не нашлось. Можно ли в полной мере отнести эти слова к самому Твардовскому? И да, и нет.

Во-первых, тут звучит обобщенное "мы" поколения. Во-вторых, поручая произносить подобные слова внеперсональному "мы", он тем самым отстраняется от них. В-третьих, по некоторым проговоркам можно догадаться, что поэт настороженно воспринимает новое: "лихие дни", "новый шум", "шумом разгоняет" и т.д. Он как будто заранее знает, как дорого будут стоить эти отречения и эти слепые порывы всем, кто любой ценой рвался в новый мир. Новое только еще в мечтах и обещаниях ("построим"), но ему уже отданы все преимущества перед прошлым, которое выставляется в самом непритялном виде: старая слепая хата, в ней все гнилое и мертвое, сон и непроглядь, хилые и злобные старики, ни света, ни шума, ни радости. Зачем все это жалеть? Но если это так, то почему же так долго уговаривают кого-то (за этим безымянным "ты" могут стоять многие) не жалеть, не хныкать, не мутить сердце "грустью непутевой", довериться зовущим и бездумно шагать "с улыбкой по дороге новой"? Значит, не беспочвенны их сомнения, значит, глубока их привязанность к отчему дому и традициям, значит, закономерно их недоверие к "новому шуму" (как потом у Никиты Моргуна к колхозу). Твардовский слышит голоса сомневающихся, жалеет тех, кто остался за чертою в прошлом, хотя сам он ближе к молодым. Эту многомерность художественного видения, эту правдивость при явной тенденциозности трудно понять и современным критикам, приученным к однополюсному мышлению. Речь, конечно, шла не о старой хате как таковой, а о прежнем жизненном укладе, о нашей истории и национальных святынях, о народной культуре и традициях, подвергшихся в 20-е годы массированным атакам. Все вековечное вытеснялось в разряд музейного, отжившего, а нередко и контрреволюционного. В шеренге атакующих первым шел Маяковский, заражавший своей разрушительной энергией поэтическую молодежь, в том числе и Твардовского (нередко он подражает ему даже "лесенкой"). Однако дороги у них были разные, что прояснится позднее.

На рубеже 20–30-х годов у Твардовского немало стихов-отречений, стихов-размежеваний: с природой, с родительским домом, с отцом-богатеем, с прошлым, со всеми, кто не принял нового, с любимой — ибо любовь теперь не ко времени, с невестой, не сумевшей разделить его судьбу.

Я ушел за комсомолом —
Далеко, а ты — осталась.

Ты осталась в старой хате,
Где в глазах темно и мутно,

И теперь готовишь платье
На приданое кому-то...

Ты живешь, где сердцу тесно,
И не видишь ясных далей...⁵⁴

Массовая любовная лирика 20-х годов, при резко упавшем интеллектуальном и культурном уровнях пишущих, не могла не пропитаться газетчиной, упрощенными и пошлыми сюжетами, и опыты Твардовского в этом жанре вряд ли можно считать удачными. Однако особого напряжения и драматизма достигают его стихи-размежевания с кулаками и богатеями всех мастей. Поднимался новый вал социально-классовых атак на крестьянство, надо было выбить опорные силы народа, крепких мужиков, культурных хозяев, кулаков. Твардовский попадает в очень сложную и опасную ситуацию, невольным инициатором и жертвой которой был отчасти он сам.

Задолго до начала сплошной коллективизации, в марте 1927 года, он публикует стихотворение "Отцу-богатею"⁵⁵, которое положило начало целому ряду его антикулацких выступлений. Но если в прежних стихах он протестовал против отжившего старого вообще, то теперь его гнев фокусируется на хозяине-собственнике, вставшем поперек обновительного потока жизни, на богате-отце. Его протест обретает многоуровневый характер: поколенный, социально-классовый, семейный, сыновний. Это выступление сыграло роковую роль как в судьбе родительской семьи, так и в его собственной: отныне его отец считался кулаком, а его самого все чаще стали называть "кулацким сыном", "кулацким подголоском" и т.п. Стихотворение восприняли буквально — как личное признание в принадлежности к вражескому сословию. Однако сразу следует сказать, что "отец-богатеи" тут — не Трифон Гордеевич, а лирическое "я" — не Александр Трифонович. Примечательно, что ни И. Т. Твардовский, ни В. В. Ильин в своих книгах, написанных много лет спустя, даже не упоминают это стихотворение⁵⁶. Его "нельзя считать автобиографической картинкой, — пишет А. В. Македонов. — Лирическое "я" здесь совсем не совпадает с биографическим"⁵⁷.

В стихотворении "Отцу-богатею" неожиданно предается хуле лучший дом "среди корявых хаток", чему ранее юный поэт только радовался. Дом, где полный достаток, где веселый сытый скот, кованные дроги, где яблони улыбаются прохожим, свешиваясь через ограду. И сын отрекается от такого дома, "сторяча" клянется не ходить туда, забыть нахоженные к нему стези (отец

тут никак не проявляет себя, он только назван). Они совсем чужие, их разделила враждебная межа, за которой отец живет "по законам отошедших лет" — наемным трудом, "соседнею помощью", т.е. эксплуатацией бедноты, что тогда не прощалось. Тут явно обозначен поход против зажиточных крестьян, хотя совсем недавно (да и позднее, в начале 30-х) все газеты призывали жить культурно и зажиточно. О себе ли, о родном ли отце идет речь в этом стихотворении? На уровне переживания, волеизъявления — да, фактически — нет. Приведем дневниковую запись поэта, сделанную в апреле 1927 года вслед за публикацией "Отцу-богатею": "Мне тяжело его видеть, невыносимо с ним разговаривать"⁵⁸. Но поводы для этого были совсем другие. Отцовский дом стоял не на селе среди "корявых хаток", а совсем одиноко, на хуторе пустоши Столпово. И был он далеко не лучшим, а той же корявой хатой, где на площади 30 м² проживало десять душ. К тому же никогда отец не был богатым, о чем свидетельствует сам Твардовский и в дневниках, и в автобиографии: "В жизни нашей семьи бывали изредка просветы относительного достатка, но вообще жилось скудно и трудно..."⁵⁹. И не жил отец "соседнею помощью", а неистово трудился сам и детей заставлял. Если признать, что о своей семье пишет поэт, тогда почему "у тебя в дому" — ведь он живет в отцовском доме? По стиху же сын, вероятно, живет рядом, но отделен от него, смотрит на отцовские яблони в окошко своего дома, когда-то часто ходил к отцу "нахоженной тропкой", а теперь между ними межа, граница. У сына другая жизнь, другие представления о счастье, отсюда отчуждение и даже вражда. По сути автор здесь и внутри, и вне изображенного конфликта, хотя определенно на стороне сына. Он рисует типичную для 20-х годов картину размежевания в семье ("По дороге", "Размолвка", "Красная свадьба", "Избынные стихи" и др.). Однако во многих стихах о матери нет и намек на вражду к родному дому, что опять-таки говорит не в пользу автобиографичности "Отцу-богатею". Здесь выразился протест против неравенства и несправедливости, против богатства, нажитого чужими руками, исконное русское неприятие всякого, кто живет лучше, чем остальные, неприятие, разогретое классовой фразеологией до ненависти и экспроприации. Интересно, что М. И. Твардовская, публикуя его ранние стихотворения, заключает "отцу" в кавычки⁶⁰, желая тем самым, за давностью лет, смягчить антиотцовский выпад молодого Твардовского, придать стихотворению обобщающий смысл: по содержанию это близко истине, однако

нарушает правду факта, ибо тогдашние читатели никаких кавычек в газетной публикации не видели.

Стихов антикулацкой направленности у раннего Твардовского немало (и написанных лично, и в соавторстве): "Кулак", "Борота", "Враг", "Коллективное", "Кулак в кино" (жена поэта изменила на нейтральное в другой редакции — "Случай в кино"), "Первая бригада", "Поджог", "Четыре тонны", "Палочка", "Землю ты любил свою одну..." и др. Но и в них эта направленность не сугубо личная и не ослепленно враждебная: в ней инвективы времени, которое он воспринимал сложно и противоречиво, как и подобает трезвому, думающему человеку. Говорят, записывает он в дневнике (апрель 1927 г.), что "теперь грустить, "меланхоличить" нельзя. Теперь это делают только праздные, ленивые или еще какие-то. Черт ее знает. Все новое я осознаю с какой-то своей стороны, которая не имеет точного оформления"⁶¹. А суть дела состояла не только в оформлении, но и в правдивой, диалектической оценке происходящего. Глаза видели одно, заданная идея диктовала другое, а художник претворял все это в нечто третье. Критике разбираться во всей этой сложности было тогда недосуг (впрочем, как и теперь), и его спешили обвинить в симпатии к кулакам, "ненашем", полувраждебном отношении к бедноте, в искаженном (со всякими уклонами) изображении коллективизации (теперь обвиняют в служении режиму, в прославлении сталинской коллективизации). Стоит детальнее представить его давние и давно забытые стихотворения, ибо в них неостывший огонь правды, обретающей сегодня злободневное звучание.

Название стихотворения "Гостеприимство"⁶² говорит само за себя: наверное, речь в нем пойдет о прекрасном качестве русских людей — гостеприимстве. И это подтверждается всеми поступками хозяина, хотя оно кажется гостю подозрительным — уж слишком рекламирует он свои владения: дескать, маскируется, пытается отвести его глаза от подлинной сути хуторского рая. Все же гость озадачен: за что же раскулачивать такого образцового культурного хозяина? Истинный разговор между ними идет молча, но каждый знает, о чем идет речь и что будет вскоре. Хозяин словно оправдывается: он "досрочно и сполна" платит налоги, хутор у него "опрятный", двор "образцовый", на дворе "благородный скот", корм выдается "по таблице норм", в большом саду богатый подбор сортов, земля ухожена и удобрена. Оправдывается, потому что встревожен и знает: "Хутор одинок, а зависть так сильна", не дадут ему жить в этом "раю".

Выразительна такая деталь: он держит свой картуз на уровне груди, словно щит, заслоняющий от удара копья. Всей своей гостеприимной суетливостью он взыскует понимания и защиты у заезжего гостя, но тот спешит дальше. Кто же этот гость — журналист, налоговый агент, агитатор, уполномоченный? Видно, что он все понимает, что ему все нравится здесь, но он мало что может сделать и знает, что дни этого райского хуторка сочтены. Вот почему не особенно хотелось ему ехать сюда, напрасно "трястись в телеге битый день", да и отсюда он хочет поскорей убраться, чтобы не расчувствоваться и не сказать лишнего. Гость — это некое обобщенное "ты", взгляд со стороны, участник события, рассказчик, исполнитель какого-то задания и т.п. Что же он доложит по начальству, как оценит увиденное? Определенного ответа у него нет, как и у автора.

Дорога к ночи хороша,
Он едет, курит не спеша.
И провозносит иногда
Одно-единственное: "Нн-да!"

Что же это? Восхищение? Смятение? Озадаченность? Сочувствие? Ведь не мироеда, не кулака с обрезом встретил он на хуторе, а рачительного хозяина, укрощающего своим трудом землю (не здесь ли завязывается первый сюжетный узелок "Страны Муравии", не тот ли самый это хуторок, который так истово пытается отстоять от наступающей со всех сторон коллективизации Никита Моргунок?).

Даже в жесткооценочном названии стихотворения "Кулак" (начинающем звучать как приговор) не все так однозначно. Продолжая, как и в "Отцу-богатею", линию осуждения и размежевания, Твардовский выявляет глубокие жизненные корни у этого социального типа, свойства, традиционно присущие хозяину-мужику.

Хорошо похаживать, глядеть
Да покуривать не торопясь.
Так отец, наверное, и дед
Здесь похаживали...

Издавна порядок был таков.
Нужно было по-отцовски жить⁶³.

Но все оборвалось и все переменилось, теперь "время голову поднять не даст", ибо вся власть в руках гольпыбы. Стихотворение "Враг", пожалуй, самое одиозное и разоблачительное в ран-

нем творчестве поэта (М. И. Твардовская вообще не включила его в состав сборника "Из ранних стихотворений"). Кулак предстает здесь неким плакатным штампом, жупелом, страшилкой с приевшимся набором примет: обрез, патроны за печкой, злоба, зверское ночное убийство и т.п. "Он громко назван живым врагом", — как бы извиняется Твардовский⁶⁴. Тем не менее, перечислив его приметы, он уверенно предсказывает, что по ним обнаружат и крепко ударят по "классовому врагу". Слова "он громко назван живым врагом", прямо отсылают нас к стихотворению В. Маяковского "Лицо классового врага" (да и написан "Враг" под Маяковского — "лесенкой").

Собакой
сидит
на своем добре.
У ямы,
в кромешной темени,
зарыта
деньга
и хлеб, —
и обрез
зарыт
до поры до времени⁶⁵.

Но Твардовский не по газетам знал деревню и четко представлял, что такое кулак. Вспышки ненависти к кулаку — дань моде и политическому заказу, но они скоро проходили. Он верил, что лозунг ликвидации кулачества как класса не означает ликвидации конкретных людей. Однако, когда дело дошло до настоящего удара по кулаку, до расстрелов, экспроприаций и выселений, он заметался. Картины начального периода коллективизации в его стихах никак не согласовывались с тем, что говорила об этом официальная пропаганда. Он словно отключает себя от изображаемого, стихи его суровы и драматичны, они звучат как репортажи с поля боя. На него обрушивается тяжелая критическая дубина, не перестававшая бить вплоть до 1937 года. В известной мере он оказался на положении раскулаченной семьи и никак не мог отклонить от нее страшный удар.

Начало коллективизации в "Первой бригаде" показано так, будто на селе проходит военная операция по окружению противника.

Место назначения!
Начинай!
Заходи, что называется,
со всех сторон...⁶⁶

Докладчику, обрабатывающему мозги крестьян, кажется, что он говорит понятно, что любая душа ему открыта и ясна. Однако на деле это не так, и души у всех такие разные.

Тут песни поют
Подкулачники:
Нам жить не дают
Докладчики.
С ленивыми,
Сопливыми
Они жить хотят
Коллективами.

Озвучить такое, даже вылетевшее из вражеских уст, было незаурядной смелостью, ибо все сказанное относили на счет автора. Но и собственно авторские оценки разных душ шли вразрез с официальной версией об энтузиазме и поголовной добровольности вступающих в колхоз.

Вот одна душа:
— готов и рад!
Вот другая:
— да, оно конечно...
Третья:
— ядовитый взгляд:

Хорошо... Коммуны...
Только больно спешно.
Разделяются на месте души,
Сортируются, как семена:
Три четвертых —
в коллектив идущих,
Горсточка смущенных — у окна.

Замечательная картина, каких нет в литературе 30-х годов, кроме как у Шолохова и Платонова! Отсюда берет начало поэма "Страна Муравия": тут и мотивы "кулацкой свадьбы", и мучительные раздумья о "своем добре", и драматизм самого процесса, и суровость обстановки. На улице жестокий мороз, от которого "скорлупеют лица", сама улица "из конца в конец пуста" — все попрятались от властей и холода; подкулачники от безысходности "отчаянно выражаются" — все нажитое идет прахом; кулаки ликвидируются как класс, а потому — "пропадите вы с коллективами"; какие-то тени мелькают между домами...

Военную операцию напоминает и стихотворение "Четыре тонны":

Семь деревень
Захватили мы
И в каждом дворе побывали⁶⁷.

Ситуация здесь такова, что и правы, и неправы обе стороны. Зажиточный крестьянин Ивашин уже раскулачен, однако его вновь облагают "твердым заданием", потому что у него есть излишки. Поначалу он решил задобрить бригадников — угощает их молоком, потом клянется на иконах, что соблюдает законы и не имеет излишков, вызывает к справедливости.

А жена
подхватила из люльки ребенка
И — на крыльцо,
на улицу,
на народ.
А ребенок мучительно-тонко
На руках у нее орет.
Собрались бабы. И как начали:
Да что ж это такое?..
Дневной грабёж!..
И так человека
уже раскулачили.
Не вникают они,
молодежь.

Конечно, хозяин говорил неправду — в погребе полно картошки, и жена актерствовала, и бабы не совсем в курсе, но общая картина и неприглядна, и драматична. Тут нет ангелов и грешников, тут живая и сложная правда времени, в которой трудно разобраться (недаром Твардовский поручает вести рассказ самим налетчикам). "Крутые, большие у нас времена!" — сказано в другом стихотворении. Однако жертвою этих "крутых времен" оказались миллионы. Ведали ли об этом повсюду "орудующие" бригадники? Твардовский сердцем поэта предчувствовал смертную жатву "великого перелома". Вот пространная выписка "Из тетрадки 30 г. (сон)":

...Висят плакаты,
Как облигации:
Район сплошной
Коллективизации.

И в этом районе
Живет Матвей.
И вот он прячет
В погреб детей.

Режет скотину
И мясо прячет.
И всем говорит:
— Нельзя иначе.

Потом он видит
Покойника-отца,
Хотя и не помнит
Его лица.

Отец одевает
Очки и к свету
Большую, как шубу,
Подносит газету.

Прочел и бросил
Газету отец.
А сам ложится
На стол, как мертвец.

— Мне, говорит,
Ничего в гробу.
Все отзовется
На вашем горбу⁶⁸.

Поистине фантасмагорическая картина, напоминающая эпизоды платоновского "Котлована", только эти авторы тогда не знали друг друга...

В стихотворении "Красный обоз" колхозники под красным флагом, с гармошкой везут сдавать зерно, а разговоры на подводах совсем о другом.

Как прячутся мешки
в кустах,
В овинах,
под полом,
в колодцах...
Как ходят слухи
Шепотком,
Что будет голод
и разруха...
Так шепчет враг,
и с языком
Он в самое
стремится ухо!⁶⁹

Но какой, однако, умный "враг": предугадал страшный голодомор начала 30-х, повторивший трагедию Поволжья начала 20-х.

Чем не славился вовек,
Всем на радость, —
Не на зависть
Счастлив этот человек.

Хорошо тебе живется,
Мне не хуже, чем тебе.

Место хозяина-собственника, мечтающего "о своем, о нажитом", занимает хозяин страны, для которого общее и есть свое. Мать становится дочери подругой, старики в славе и почете, их трудолюбие и мастерство, мудрость и опыт теперь так нужны молодым. Любовно изображая стариков, Твардовский призывает на помощь новому благотворные силы традиций, напоминает о глубоких исторических корнях происходящего и словно пытается замолить свои грехи перед отцами и дедами, которые в ранней лирике казались досадной помехой на дороге в будущее. История непрерывна, и человек един во все времена, какие бы события ни потрясали нас и как бы нам ни казалось, что мы творим нечто исключительно новое. Мы стоим на фундаменте многих поколений, мы живем в цепи времен, и ни одно звено нам не дано вырвать — ни прошлое, ни настоящее, ни будущее.

Острота противостояний и противоборств, отречений и размежеваний на "свое", "чужое" и "наше" стихает, уходит на глубину, и те концепты, которые поначалу являлись непримиримыми антиномиями, предстали теперь неразрывными гранями бытия. Первый круг познания мира и поиска своего места в нем завершился, и по-настоящему зрелым ответом художника на запросы времени явилась его поэма пути, поэма-сказка "Страна Муравия"...

¹ Правдухин В. Литературные перспективы // Красная новь. 1924. № 1. С. 294.

² Там же. С. 307.

³ Доронин И. Гранитный лут. 2-е изд. М., 1924. С. 16.

⁴ Зубарев Ф. Осень // Журнал крестьянской молодежи. 1925. № 1. С. 4.

⁵ Бедняга Е. Вечерка // Там же. С. 4.

⁶ Серганов Т. Мы строим // Трудовая нива. 1923. № 3. С. 11.

⁷ Приблудный Ив. Возвращение // Красная новь. 1925. № 1. С. 167.

⁸ Артамонов М. Деревенская улица. Песни. М., 1924. С. 30, 51.

⁹ См.: Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни (по итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии). М.; Л., 1925; Яковлев Я. Деревня как она есть: Очерки Никольской волости. 4-е изд. М.; Л., 1925; Борадько Ив. Против хутора — агробригада: Опыт газет Западной области // Журналист. 1929. № 21; Гнедин Е. На путях к колхозу: (Из за-

меток пропагандиста ЦЧО) // Красная новь. 1930. № 5; Канатчиков С. Рождение колхоза // Там же. № 9–10.

¹⁰ Наши избачи работают // Смоленская деревня. 1925. 22 февр. № 7.

¹¹ О чем писать в "Смоленскую деревню": (Наказ селькорам) // Там же.

¹² Двенадцать с.-х. кружков // Там же. 21 янв. № 3; Бедняк работу налаживает // Там же. 29 мая. № 20.

¹³ Новая изба // Там же. 19 июля. № 27.

¹⁴ Субботник // Юный товарищ. 1925. 6 окт. № 60–61.

¹⁵ Наш праздник // Там же. 13 нояб. № 70–71.

¹⁶ Селькоровское // Там же. 1926. 30 марта. № 24.

¹⁷ Урожай // Смоленская деревня. 1926. 21 сент. № 92.

¹⁸ Доронин И. Первый сбор: Стихи и поэмы. М.; Л., 1927. С. 36.

¹⁹ Наконец-то! — Построили школу // Смоленская деревня. 1926. 3 янв. № 62.

²⁰ Дом за рекой // Кордов С., Твардовский А., Шурьгин В. На стройке новой деревни. М.; Смоленск, 1930. Вып. 1. С. 17–18.

²¹ Тихий дом // Юный товарищ. 1926. 30 дек. № 87.

²² О затихшей церкви // Там же. 1927. 27 апр. № 30.

²³ См.: Рабочий путь. 1928. 6–9 сент. № 207–210; Смоленская деревня. 1928. 7, 11 сент. № 67, 68; Юный товарищ. 1928. 8, 12 сент. № 71, 72.

²⁴ Комсомольцы разбудили сельсовет // Смоленская деревня. 1926. 10 февр. № 15.

²⁵ Своими руками // Рабочий путь. 1926. 12 марта. № 59.

²⁶ См.: Три комиссии — и ни одна не работает // Смоленская деревня. 1926. 7 апр. № 37.

²⁷ Предательский мост // Там же. 12 мая. № 54.

²⁸ Селькор // Там же. 3 янв. № 62; Селькоровское // Юный товарищ. 1926. 30 марта. № 24; Селькорка // Смоленская деревня. 1926. 23 мая. № 55.

²⁹ Где нельзя пройти, там ползут // Юный товарищ. 1928. 25 авг. № 67.

³⁰ В беде не помогаем // Там же. 11 нояб. № 89.

³¹ у котла: Рассказ // Юный пионер. 1926. Конец сентября. № 32.

³² Самогонщику // Смоленская деревня. 1926. 8 окт. № 96.

³³ По-прежнему "загоняют" его на самогон // Юный товарищ. 1928. 15 сент. № 73.

³⁴ Потрава // Там же. 1927. 27 апр. № 30.

³⁵ Развалились старые сараи // Красноармейская правда на селе. 1927. 20 апр. № 16.

³⁶ Урожай // Смоленская деревня. 1926. 21 сент. № 92.

³⁷ Стихи о весеннем севе // Юный товарищ. 1928. 10 марта. № 20.

³⁸ Из старых дневников. Загорье, 1926 // Литературное наследство. М., 1983. Т. 93. С. 297.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 300.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 302.

⁴⁴ Там же. С. 326.

- 45 О недрогнувших крышах // Там же. 9 нояб. № 105.
46 Родное // Юный товарищ. 1926. 30 сент. № 62–63.
47 По дороге // Красноармейская правда. 1926. 20 нояб. № 269.
48 "Все те же гумна и сараи..." // Там же. 4 дек. № 281.
49 Размолвка // Там же. 11 дек. № 287.
50 Из старых дневников. Загорье, 1926. С. 300.
51 Красная свадьба // Смоленская деревня. 1927. 8 февр. № 11.
52 "Десять раз отмеряла..." // Журнал крестьянской молодежи. 1928. № 4. С. 5.
53 Избятные стихи // Юный товарищ. 1927. 27 марта. № 22.
54 Невеста (Из цикла "Сердечные стихи") // Юный товарищ. 1927. 18 мая. № 35.
55 Отцу-богатею // Там же. 16 марта. № 19.
56 Твардовский И.Т. Родина и чужбина: Книга жизни. Смоленск, 1996;
Ильин В.В. Не пряча глаз. Александр Твардовский: Литературное окружение. Творческие связи. Смоленск, 2000.
57 Македонов А. Эпохи Твардовского. Баевский В. Смоленский Сократ. Илькевич Н. "Дело" Македонова. Смоленск, 1996.
58 Из старых дневников. Загорье, 1925. С. 82.
59 Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 1976. Т. 1.
60 Твардовский А. Из ранних стихотворений. 1925–1935. М., 1987. С. 35.
61 Из старых дневников. Загорье, 1926. С. 301.
62 Гостеприимство // Октябрь. 1929. № 10.
63 Кулак // Рабочий путь. 1928. 13 дек. № 289.
64 Враг // Рабочий путь. 1928. 20 дек. № 295.
65 Маяковский В. Новый кулак // Комсомольская правда. 1928. 21 марта.
66 Твардовский А., Зиборов Ив. Первая бригада (Посвящается рабочим бригадам) // Наша деревня. 1930. 8 февр. № 11.
67 Твардовский А. Четыре тонны (Рассказ бригады) // Западная область. 1930. № 3. С. 16.
68 Из старых дневников. Загорье, 1926. С. 342.
69 Твардовский А. Красный обоз // Рабочий путь. 1930. 30 авг. № 208.
70 Песня о хорошем человеке // Колхозная газета. 1934. 10 мая. № 53.